

617(09)

у29

Ш. И. УДЕРМАН

**ИЗБРАННЫЕ
ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ХИРУРГИИ
XIX СТОЛЕТИЯ**

Ш. И. УДЕРМАН

617/09)

У-29

617/09)

ИЗБРАННЫЕ ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ХИРУРГИИ
XIX СТОЛЕТИЯ

а-340073

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МЕДИЦИНА"

Ленинградское отделение 1970

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. К. КРУПСКОЙ"

2004 сок
946
1999 10f

Изученная нами литература о В. И. Дале дает полное основание считать, что врачебная его деятельность стоит как бы особняком и органически не связана с другими сторонами его жизни. Деятельность В. И. Даля как этнографа и натуралиста имеет только косвенное отношение к его врачебной жизни. Вот почему мы позволяем себе писать о В. И. Дале только как о враче, не касаясь его как ученого, богослова, чиновника и т. д. В психологическом отношении В. И. Даль — тема специального монографического труда (Д. Завалишин)¹ и не входит в сферу нашего исследования.

В. И. Даль родился в местечке Луган (Луганск) Екатеринославской губернии в ноябре 1801 г.² Отец-датчанин, мать — немка. Отец — Иоганн Даль — известный в то время лингвист. Екатерина II пригласила его из Иенского университета в качестве библиотекаря. Должность не хлебная, и, рассудив так, И. Даль уехал в Иену и вернулся оттуда врачом. Ввиду множества противоречивых данных об отце мы обратились к «формуляру». Вот точные сведения: «Признан вольнопрактикующим доктором в марте 1792 г.; определен в службу в Гатчинскую волость 1 апреля 1796 г.; Олонецкой губернии в Петрозаводский уезд — 24 августа 1797 г.; к Луганскому заводу (2000 заводских служителей) — 4 мая 1798 г., инспектором в Черноморскую медицинскую управу — март 1805 г. Оставлен главным доктором Черноморского флота»³. Это был суровый, но разумный человек. В. И. Даль особенно тепло пишет о своей матери, умной и ласковой, которая посеяла в нем «нравственное начало». В 13 с половиной лет В. И. Даля определили в Петербургский морской кадетский корпус, который он закончил в 1819 г. Эти годы оставили в памяти В. И. Даля самые худшие воспоминания — о розгах, невежестве и самодурстве офицеров⁴. С самых ранних лет уже стали

¹ «Русская старина», т. 119, 1904.

² В своих воспоминаниях дочь В. И. Даля — Е. В. Даль — называет дату рождения отца 10 ноября 1802 г. Во всех остальных источниках — 1801 г. «Русский вестник», т. 142, 1897.

³ ЦГИА в Ленинграде. Ф. 1297, оп. 3, д. 247.

⁴ В. И. Даль, «Автобиографическая записка» (была продиктована В. И. Далем за несколько месяцев до смерти и хранилась у дочери его Е. В. Демидовой. Напечатана впервые в «Русском Архиве» в 1872 г., вскоре после смерти В. И. Даля).

выявляться лингвистические и этнографические наклонности у Даля. В кадетском корпусе он стал собирать новые русские слова и заниматься литературой. Из кадетского корпуса в 18-летнем возрасте Даль был выпущен мичманом. В то время — в Николаеве — отец его был главным доктором Черноморского флота, и В. И. Даль стал служить во флоте. Плавал в Черном и Балтийском морях. После трехлетней службы в Черноморском флоте Даль в 1823 г. был переведен в Кронштадт. Через год он был произведен в лейтенанты. Даль страдал морской болезнью и никак не мог привыкнуть к морской качке. По этой причине и по другим обстоятельствам через полгода он оставил военно-морскую службу.

В 1826 г. овдовевшая мать его поселилась в Дерпте, тогда-то Владимир Иванович 25 лет от роду поступил на медицинский факультет Дерптского университета. В университете он должен был пробыть до 1830 г. Курс хирургии он проходил у профессора Мойера, слушал его лекции вместе с Н. И. Пироговым и Ф. И. Иноземцевым¹. В Дерпте В. И. Даль подружился с Н. И. Пироговым, который лестно отзывался о нем.

В своих мемуарах (1879) Н. И. Пирогов называет Даля «человеком на все руки». Рассказывая о его способностях, о мануальных, в частности, Н. И. Пирогов подчеркивал, что В. И. Даль сделался «ловким оператором». Не лишено иронии замечание Н. И. Пирогова о том, что В. И. Даль

В. И. Даль

¹ Утверждение Г. И. Родзевича (1899), будто В. И. Даль был учеником Н. И. Пирогова, ошибочно. И тот, и другой слушали Мойера, но Н. И. Пирогов был слушателем профессорского института при Дерптском университете, а В. И. Даль был студентом медицинского факультета.

вскоре после окончания Дерптского университета «переседлал из лекарей в литераторы, потом в администраторы и кончил ученым составителем толкового словаря». Они снова встретились в Петербурге в 1841 г. В. И. Даль служил тогда секретарем у министра внутренних дел В. А. Перовского.

В 1828 г. разразилась война с Турцией. В. И. Даль был призван на войну, не окончив полного курса обучения. Ему разрешили досрочно сдать докторский экзамен. Он выдержал экзамен, был допущен к защите диссертации и получил звание доктора медицины и хирургии. Его докторская диссертация называется: 1) «*De terebratione cranii cum successu instituta*» — с успехом проделанная трепанация черепа. 2) «*De renum exulceratione occulta*» — скрытое изъязвление почек¹. Диссертация хирургическая. Занимает 32 страницы небольшого формата, написана, как тогда полагалось, на латинском языке. Представлены два наблюдения: 1) мужчина 50 лет был ранен в голову железной палкой. Потребовалась трепанация черепа. Через 73 дня после ранения больной поправился. 2) Юноша 19 лет страдал четыре года гнойными свищами в почечной области. Оперирован. Рассечение свищей, вскрытие гнойных затеков. Летальный исход. Аутопсия. Язвенные поражения почек и их исходящих отделов.

На титульном листе диссертации справа снизу надпись чернилами: «N. Pirogow». Теми же чернилами над словом «Dahl» написано: «De». Этими же чернилами «N. Pirogow» перечеркнуто. Следует считать, что Н. И. Пирогов читал диссертацию В. И. Даля². (Рис. 5).

¹ В Русском биографическом словаре (С.-Петербург, 1905), в статье А. Черкаса «В. И. Даль»: в названии докторской диссертации В. И. Даля некоторые латинские слова искажены, так напр. «*rebration*» вместо «*terebration*»; «*renuma*» вместо «*renum*»; «*exulatione*» вместо «*exulceration*». Искажения эти выявлены нами при сличении с надписями на титульном листе диссертации.

² Дочь Е. В. Даль сообщает в своих воспоминаниях, что докторский экзамен был только формальностью, что все было заранее обеспечено. Она также приводит другие факты и события из жизни В. И. Даля, не совсем лестные. Д. Завалишин, знавший В. И. Даля 50 лет, друг его, опровергает некоторые свидетельства Е. В. Даль и предупреждает будущих биографов В. И. Даля, что статью дочери нельзя считать надежным источником. Печатание воспоминаний Е. В. Даль («Русский вестник», т. 142, 1879) прекратилось.

В 1828 г. В. И. Даль был направлен на холерную эпидемию в Яссы, а в марте 1829 г. был зачислен военным врачом в действующую армию на турецкий фронт. Во время русско-турецкой войны¹ В. И. Даль наблюдал куриную слепоту, возникавшую временами у солдат. Он представил командованию свои рекомендации по карантину против чумы, лечил раненых как военный хирург. Испытывал сулему при хирургическом лечении сибирской язвы. В 1830 г. Даль вернулся с турецкого фронта и в июле 1831 г. как дивизионный врач участвовал в военных действиях против восставших поляков². Даже во время походов Даль не прекращал своей работы над словарем. Собрался весьма солидный словарный материал, заполнивший большой чемодан, который Даль возил с собою.

После турецкой войны и польского похода В. И. Даль в 1832 г. определился ординатором в Петербургской военно-сухопутный госпиталь. Увлёкся глазными болезнями. Стал формироваться как окулист-хирург. Он одинаково владел как правой, так и левой рукой. Свойство это облегчало ему производство глазных операций, главным образом удаление катаракты. В течение всей его врачебной жизни В. И. Даль оставался верным хирургии глаза, даже тогда, когда он отступился от гиппократовой медицины и «переметнулся» (А. Черкас) к гомеопатам. В письме к В. Ф. Одоевскому³.

В. И. Даль так выразил свое отношение к глазным болезням: «Глазные болезни, и в особенности операции, всегда были любимой и избранной частью моею в области врачебного искусства. Я сделал уже более 30 операций катаракты».

В. И. Даль почти стал удачным окулистом. Как пишет П. И. Мельников-Печерский, он был близок к славе. И вдруг в 1833 г. произошел в нем странный переворот: В. И. Даль разочаровался в медицине, оставил службу в военно-медицинском ведомстве, прекратил свою врачебную практику. Генерал-губернатор Оренбургского края В. А. Перовский пригласил его чиновником особых поручений. В. И. Даль охотно согласился и на многие годы

¹ Русско-турецкая война (1828—1829) началась в апреле 1828 г. и закончилась в августе 1829 г.

² Польское освободительное восстание 1831 г. Военные действия начались в феврале 1831 г. и закончились в октябре того же года.

³ «Современник. Т. XII, 1838.

связал свою служебную жизнь с ним. Когда Перовский¹ впоследствии был назначен министром внутренних дел, В. И. Даль стал его правой рукой.

В 30-х годах прошлого столетия, когда гомеопаты стали наводнять Россию, петербургская публика поддавалась рекламам и пропаганде «чудотворного» действия бесконечно малых величин лекарственных средств. Забеспокоились врачи «аллспаты». По их просьбе против гомеопатов выступил в печати В. И. Даль. С резким полемическим задором он указывал на шаткие и противоречивые начала гомеопатии. Он обрушился на взгляды Ганеманна в обзоре «О медицине вообще, и о целительной силе природы особенно»². Даль подчеркивал бессилие природы против таких болезней, как оспа, чума, холера и др. «Одной природе не справиться без врачебной помощи», — пишет В. И. Даль. Он допускает пользу от гомеопатических средств при некоторых хронических заболеваниях, требующих «легкого прикосновения» лекарственных начал, способных уменьшить возбудимость нервной системы. Он также допускает, что некоторые болезни излечиваются одною силою природы. Вся эта статья носит явный антигомеопатический характер. И вдруг победный крик гомеопатов: «Даль обратился на путь истины, Даль — гомеопат». Такая метаморфоза, на первый взгляд, кажется непонятной. На самом деле причина более глубокая. То было время, когда казалось совершенно безнадежным открытие вещества, которое способно было вызвать полное обезболивание. Как пишет Н. И. Пирогов, в 30-х годах прошлого столетия быстротечная, почти скоропостижная смерть постигала нередко оперируемого вследствие нестерпимой боли, болевого шока. Пессимизм в то время владел даже некоторыми крупнейшими хирургами. Такой хирург, как Вельпо³, высказался на заседании парижской академии так: «Избежать боли при операциях есть химера, которой не следует добиваться». Горацій Уэльс покончил жизнь самоубийством вследствие постигших его неудач на пути изыскания обезболивающего вещества (Л. С. Бекерман, 1936). Наука продолжала свое движение.

¹ Бывший генерал-губернатор Оренбургского края.

² «Сын Отечества», 155; «Северный архив», 69, 1833.

³ Вельпо (Welraou, 1795—1867). Знаменитый французский хирург и анатом. Всесторонне образованный врач. Член Парижской академии наук.

Невозможно было мириться со смертью от боли и гноя. Требовались мужество, вера и подвиги в исканиях. Этого не оказалось у В. И. Даля.

Вот истинная причина его отхода — через гомеопатический период — от медицинской деятельности и даже любимой им области глазных болезней.

Толчком послужила его дружба с писателем А. А. Перовским¹ — горячим поклонником гомеопатии. Под его влиянием Даль стал гомеопатом. Но ему необходимо было опытным путем убедиться в «вероятности» этого учения. «Только опыт решает истину», — писал он. В 1833 г., в Оренбурге, он стал на себе, здоровом человеке, испытывать действие гомеопатических доз древесного угля и поваренной соли и наблюдал «припадки» (тошнота, головокружение и др.), описанные им через два — три года в письмах к его другу доктору К. К. Зейдлицу². Затем В. И. Даль стал практиковать как врач-гомеопат и «убедился, что гомеопатические средства действуют иногда скоро, сильно, спасительно». Он наблюдал, что «agnisа» внутрь помогает при ушибах лучше, скорее пиявок, примочек и натираний³, «bryonia» приносит скорую временную помощь при «летучей ломоте». Он лечил своих глазных пациентов гомеопатическими средствами; наблюдал как порошок «pulsatille» при сильных катарактах «не оставляет и следа». «У гомеопата, — пишет он — еще нет теории, а есть только практика, но кто испытал однажды и убедился, того сбить с пути и воротить трудно». В. И. Даль признается, что блуждал много лет и стал гомеопатом.

Итак, В. И. Даль снова полюбил медицину, но гомеопатическую.

В. И. Даль участвовал в походе на Хиву⁴, предпринятом в 1839—1840 гг. под водительством генерала В. А. Пе-

¹ А. А. Перовский — брат министра внутренних дел В. А. Перовского.

² «Два письма о гомеопатии». Переписка между В. И. Далем и К. К. Зейдлицем (1798—1886) — профессором терапевтической клиники Петербургской медико-хирургической академии. Разносторонне и высокообразованный клиницист. Ученый. Большой друг Жуковского. Дружил с Н. И. Пироговым. «Северная пчела», 1834, № 124—127, 1835, № 98—99.

³ Круп у сына лечил врач-гомеопат. В. И. Даль «припустил» все же три пиявки к горлу сына. Он выздоровел.

⁴ В. И. Даль — Письма к друзьям из похода в Хиву. «Русский архив», 1867.

ровского¹. Экспедиционный корпус в пять тысяч человек с тысячами верблюдов, орудиями двинулся на Хиву. 94 дня продолжался этот «несчастный, вернее, горемычный», как пишет В. И. Даль, поход, описанный им весьма правдиво. В. И. Даль в то время был чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Перовском. В походе Даль числился секретарем Перовского. В «Письмах» мы читаем врачебные наблюдения В. И. Даля. В начале похода — в ноябре — стали появляться простудные заболевания. Доктор Даль белладонной и гомеопатическими средствами в «течение нескольких часов устранял ангину». Он также сообщает о случаях сибирской язвы с летальным исходом и об удачах, если заболевшие обращались за помощью во время и можно было хорошо вырезать язву. Со временем тяжкие походные невзгоды вызывали цингу у людей, обморожение рук и ног, повальное падение верблюдов; в некоторых подразделениях — смерть каждого седьмого из рядовых. Попечителем походного госпиталя был сослуживец Даля доктор Чихачев — человек самоотверженно преданный больным, о котором часто в своих письмах упоминает В. И. Даль. Нельзя без тяжелого чувства читать у доктора медицины и хирургии В. И. Даля следующие строки: «Но я волей и неволей очень плачевным образом попал во врачи». Это пишет человек, который, будучи секретарем, за все эти три с лишним месяца похода составил «12—15 нумерованных бумаг, что мог выполнить любой грамотный человек», как он сам пишет, но обстоятельства похода складывались трагично и его привлекли к врачебной работе.

Из этих искренних писем можно прийти к выводу, что врачебного призвания у В. И. Даля не было. Отсюда его колебания, разочарование, переход от «аллопатии» к гомеопатии². Следует подчеркнуть, что В. И. Даль ни в одной из своих работ не высказывался против «аллопатии», не

¹ Хивинские походы 1839—1840 гг. и 1874 г. предпринимались с целью покорения Хивинского ханства, укрепления власти Российской империи в Средней Азии.

² Дочь В. И. Даля пишет: «Гомеопат Лессинг считал, что из Даля вышел бы знаменитый хирург, если бы он из-за чудачества не переменил род занятий».

Из всего сказанного легко видеть, что причины перемены не в «чудачестве».

противопоставляя их, не нападал на «аллопатов», как это он делал в первые годы против гомеопатов.

Восемь лет пробыл В. И. Даль в Оренбургском крае (1833—1841), а затем в Петербурге он занял должность заведующего особой канцелярией Министерства внутренних дел у ставшего министром В. А. Перовского. В этот период В. И. Даль интенсивно занимался своим будущим словарем. Частые разъезды по различным местам России давали ему возможность проявить свои этнографические способности. Он наблюдал быт и нравы.

В 1843 г. В. И. Даль опубликовал большую статью «О народных врачебных средствах». Из этого сообщения можно узнать о многих средствах и «приемах», употребляемых в народе при различных недугах. Так, подорожник и тысячелистник применялись при порезах для остановки кровотечения; подсоленный квас и огуречный рассол — при кровохарканьи; жженный сахар, купорос и даже толченное стекло против бельма и т. д. «Не одна пара «годных глаз» были погублены этими «средствами», — пишет он. Амулеты при зубной боли, табачный сок из чубука при лишаях, яичная пленка на левый мизинец при лихорадках, заглядывание в глаза щуки при желтухе, высушенный в порошок сверчок при «водяной болезни», употребление жука «май-ки» при водобоязни и масса самых невероятных, диких «средств» при всевозможных недугах описывается здесь Далем. «Следует отделять, — пишет автор, — невежественное, суеверное, вредное от полезного». К полезным автор относит употребление сырой гречневой крупы при изжоге и некоторые другие приемы и средства.

Станным представляется название этой статьи, содержащее слово «врачебные»¹; даже если «врачебное» понимать как лечебное, ничего врачебного нет во всем этом страшном хаосе «средств». Как пишет В. И. Даль, его интерес к ним чисто этнографический. Врачам же надо знать суеверия, с которыми им приходилось бороться.

Период жизни В. И. Даля в Петербурге, в 40-х годах, не касаясь чиновничьей, литературной и другой деятельности, интересен еще двумя событиями. В. И. Даль работал над составлением учебников зоологии и ботаники для военно-учебных заведений. Совместно с А. Постельсом и

¹ «Журнал Министерства внутренних дел». Ч. 3, 1843.

А. Сапожниковым в 1847 г. им был выпущен учебник с атласом, в котором изображено более 700 животных. Из предисловия мы узнаем, что преподавание естественной истории в военно-учебных заведениях вводится как средство к умственному развитию и к «поселению в юношах понятий о могуществе и величии творца». В этом учебнике имеется раздел «Анатомия и физиология человека», который можно назвать элементарным¹. В этом учебнике читаем: «Нет сомнения, что черепной мозг, данный только человеку и высшим животным, есть вещественное оружие души, посредством коего она действует, но каким образом это происходит мы объяснить не можем».

Курс ботаники составлен В. И. Далем одним, без соавторства. Он предназначен был для младших классов военно-учебных заведений. Учебник дает понятие о строении и жизни растений, об их единстве, несмотря на бесконечное разнообразие. Таким образом, в этих двух учебниках В. И. Даль выступает как натуралист.

В 1847 г. В. И. Даль был избран в члены-учредители Русского географического общества. За его естественно-исторические работы В. И. Даль был избран членом-корреспондентом академии наук.

В 1849 г. В. И. Даль получил место удельного управляющего в Нижнем Новгороде. При объездах края он также посещал больных, давал им гомеопатические крупинки и заставлял принимать их в его присутствии. Он был тогда ревностным поборником гомеопатии, но все же оперировал глазных больных. По его ходатайству была построена удельная гомеопатическая больница, которая просуществовала до 1859 г., т. е. пока он жил в Нижнем Новгороде. Затем он оставил эту должность и переехал в Москву, где целиком, до конца своей жизни, отдался составлению словаря. В 1863 г. когда началась Крымская война, В. И. Даль в послеобеденное время щипал корпию для раненых. За этим занятием он часто проводил время и в Москве.

В 1962—1963 гг. опубликованы три юбилейных сообщения о В. И. Дале. Одно из них принадлежит Я. И. Коцу

¹ Этот раздел принадлежит, по-видимому, В. И. Дале, судя по тому, что, как пишет Н. И. Пирогов, «к ревностно занимающимся хирургиею и анатомиею» последний относит среди других и В. И. Дале. Характеристика эта относится к студенческим годам Дале.

(к 160-летию со дня рождения В. И. Даля, 1962). Автор, как он пишет, сделал попытку восполнить пробел в биографии В. И. Даля, касающийся хирургической деятельности последнего. Следовательно, автор обязан был представить новые, неизвестные в литературе данные о В. И. Дале. К сожалению, Я. И. Коц не выполнил своего обещания. Причина в том, что никакого пробела нет. В. И. Даль не оставил ни одной хирургической научной работы, ни одного казуистического сообщения на хирургическую тему. Проведя, по собственному признанию, тридцать с лишним операций удаления катаракты, окулист-хирург В. И. Даль не оставил ни одной статьи на эту тему, о других глазных операциях он даже не упоминает.

В. И. Даль не был хирургом в общехирургическом смысле, хотя соприкасался с хирургией. Его общехирургическая жизнь весьма короткая: не закончив полного курса медицинского факультета Дерптского университета, В. И. Даль был призван на русско-турецкую войну и участвовал в ней как врач-хирург с апреля 1828 г. по август 1829 г.; польская кампания, в которой он также был военным врачом-хирургом, продолжалась с февраля 1831 г. по октябрь того же года; три с лишним месяца продолжался хивинский поход. Вот и весь его военно-хирургический опыт. Мирная же хирургическая деятельность В. И. Даля известна как офтальмологическая. Его хирургическая деятельность представлена в самых общих мемуарных выражениях (Н. И. Пирогов, Мельников-Печерский, дочь Владимира Ивановича и «Автобиографическая записка» В. И. Даля). Соприкосновение В. И. Даля с хирургией не выходит за пределы общемедицинского и хирургического направления, которые были свойственны врачам первой половины XIX столетия в России. Мы не говорим о крупных хирургах, которые занимались главным образом хирургией, но даже выдающиеся хирурги лечили больных и многими другими недугами. В 20—30 годах прошлого столетия операции производились редко. Никто из биографов Владимира Ивановича, да и сам В. И. Даль, никогда не выделяют хирургическую сторону жизни. По Я. И. Коцу, в Оренбурге В. И. Даль «производит операции» (во множественном числе!). В подтверждение автор приводит известный факт, когда В. И. Даль с успехом произвел отнятие руки на уровне плеча. О большем неизвестно. Исторически установлено, что в годы жизни в Орен-

бурге В. И. Даль уже был «убежденным гомеопатом», и, конечно, ампутация предплечья — большая операция для того времени — случайное оперативное вмешательство. Можно допустить, что В. И. Даль за восемь лет пребывания в Оренбургском крае произвел несколько других операций, но это — не хирургическая деятельность даже для того времени. Коц пишет, что за «специально написанные работы» в Дерптском университете В. И. Даль удостоен серебряной медали. За какие «специальные» работы автор не указывает. М. В. Васильева (1962), посвятившая свою статью студенческим годам В. И. Даля в Дерптском университете, сообщает, что в декабре 1827 г. В. И. Даль принял участие в конкурсе на лучшее сочинение для студентов. Он выбрал сочинение на философскую тему, и был удостоен за нее серебряной медали. Какие «специальные» работы имеет в виду Я. И. Коц: ту — на философскую тему, о которой сообщает М. В. Васильева, или другую, остается неизвестным.

А. А. Абдулаева, У. А. Алимов и Н. П. Соколов посвятили свою работу жизни В. И. Даля в Оренбургском крае. Авторы точно передают содержание писем В. И. Даля о походе на Хиву. Однако они грешат против истины, когда сравнивают самоотверженность врача Чихачева с участием врача Даля. Если бы В. И. Даль прочитал у авторов «То же самое можно сказать о деятельности самого В. И. Даля», он протестовал бы против этого. Вот что пишет Даль о Чихачеве: «Чихачев один из полезнейших людей в отряде, три четверти перехода идет пешком, он взял на себя самую тяжелую в военное время и самую неблагодарную часть: попечительство о больных. Он возится с ними день и ночь, не ест, не спит и успевает многих накормить, которые без него остались бы голодными, и обогреть таких, которые бы замерзли»¹. Сопоставим с высказыванием В. И. Даля о самом себе: «... но я волей и неволей очень плачевным образом попал во врачи». Как же можно писать «то же самое можно сказать о деятельности самого В. И. Даля»?

¹ Мы невольно обращаем внимание на то, что «попечительство о больных», по мнению В. И. Даля, самая неблагодарная часть. Уже одно это выражение, как пропасть, отделяет врача-наблюдателя Даля от самоотверженного, истинно гуманного врача Чихачева, для которого забота о больных — долг и совесть его.

А.

28-го января, во втором часу полудня, встретил меня г. Башуцкий, когда я переступил порог его, роковым вопросом: «Слышали?» И на ответ мой: «Нет» рассказал, что Пушкин умирает.

У него, у Пушкина, нашел я толпу в зале и в передней — страх ожидания пробежал шопотом по бледным лицам. Г. г. Арендт и Спасский пожимали плечами. Я подошел к болящему — он подал мне руку, улыбнулся, и сказал: «Плохо, брат!» Я присел к одру смерти — не отходил до конца страстных суток. В первый раз Пушкин сказал мне ты. Я отвечал ему так же — и побратался с ним за сутки до смерти его, уже не для здешнего мира!

Пушкин заставил всех присутствовавших сдружиться со смертью, так спокойно он ее ожидал, так твердо был уверен, что роковой час ударил. Пушкин положительно отвергал утешение наше и на слова мои: «Все мы надеемся, не отчаивайся и ты!» отвечал: «Нет, мне здесь не житье; я умру, да видно уж так и надо!» В ночи на 29 он повторял несколько раз подобное; спрашивал, например: «Который час?» и на ответ мой продолжал отрывисто и с расстановкой: «Долго ли мне так мучиться! Пожалуйста, поскорей!» Почти всю ночь продержал он меня за руку, почасту брал ложечку водицы или крупинку льда и всегда при этом управлялся своеручно: брал стакан сам с ближней полки, тер себе виски льдом, сам сымал и накладывал себе на живот припарки; собственно, от боли страдал он, по словам его, не столько, как от чрезмерной тоски, что приписать должно воспалению в брюшной полости, а может быть, еще более воспалению больших венозных жил. «Ах, какая тоска!» — восклицал он иногда, закидывая руки на голову, — сердце изнывает!» Тогда просил он поднять его, поворотить на бок или поправить подушку — и не дав кончить этого, останавливал обыкновенно словами: «Ну, так, как — хорошо; вот и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо» или: «Постой, не надо, потяни меня только за руку — ну вот и хорошо, и прекрасно!» Вообще был он — по крайней мере в обращении со мною, покладлив и послушен, как ребенок, и делал все, о чем я его просил. «Кто у жены моей?» — спросил он между прочим. Я отвечал: «Много добрых людей принимают в тебе участие — зала и передняя полны с утра до ночи». «Ну, спасибо, — отвечал он, — однако же поди, скажи жене, что все слава богу, легко; а то ей там, пожалуй, наговорят!»

(С вечера) с обеда пульс был крайне мал, слаб и част — после полуночи стал он подыматься, а к 6-му часу ударял не более 120 в минуту и стал полнее и тверже. В то же время начал показываться небольшой общий жар. Вследствие полученных от д-ра Арендта наставлений приставили мы с д-ром Спасским 25 пиявок и в то же время и (послали) за Арендтом. Он приехал и одобрил распоряжение наше. Больной наш твердою рукою сам ловил и припускал себе пиявки и неохотно позволял нам около себя копать. Пульс стал ровнее, реже и гораздо мягче; я ухватился, как утопленник, за соломинку, робким голосом провозгласил надежду и обманул было и себя, и других — но ненадолго. П. заметил, что я был пободрее, взял меня за руку и спросил: «Никого тут нет?» «Ни-

кого», — отвечал я. «Даль, скажи же мне правду, скоро ли я умру?» «Мы за тебя надеемся, Пушкин, — сказал я, — право надеемся!» Он пожал мне крепко руку и сказал: «Ну, спасибо!» Но, по-видимому, он однажды только и обольстился моею надеждою: ни прежде, ни после этого он не верил ей, спрашивал нетерпеливо: «Скоро ли конец» — и прибавлял еще: «Пожалуйста, поскорее!» В продолжение долгой, томительной ночи глядел я с душевным сокрушением на эту таинственную борьбу жизни и смерти — не мог отбиться от трех слов, из Онегина, трех страшных слов, которые неотвязно раздавались в ушах и в голове моей: «Ну что ж? Убит!»

О, сколько силы и значения в трех словах этих! Ужас невольно обдавал меня с головы до ног — я сидел, не смеядохнуть, и думал: «Вот где надо изучать опытную мудрость, философию жизни — здесь, где душа рвется из тела; то, что увидишь здесь, не найдешь ни в толстых книгах, ни на шатких кафедрах наших».

Когда тоска и боль его одолевали, он крепился усиленно и на слова мои: «Терпеть надо, любезный друг, делать нечего, но не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче» — отвечал отрывисто: «Нет, не надо стонать; жена услышит и смешно же, чтобы этот вздор меня пересилил, не хочу».

Пульс стал упадать приметно и вскоре исчез вовсе. Руки начали стыть. Ударило два часа по полудни, 29 января и в Пушкине оставалась жизнь только на $\frac{3}{4}$ часа. П. раскрыл глаза и попросил моченой морозики. Когда ее принесли, то он сказал внятно: «Позовите жену, пусть она меня покормит». Д-р Спасский исполнил желание умирающего. Наталья Николаевна опустилась на колени у изголовья смертного одра, поднесла ему ложечку, другую — и припала лицом к челу отходящего мужа. П. погладил ее по голове и сказал: «Ну, ну, ничего, слава богу, все хорошо!»

Вскоре подошел я к В. А. Жуковскому, кн. Вяземскому и гр. Виельгорскому и сказал: «Отходит!» Бодрый дух все еще сохранял могущество свое — изредка только полудремотное забвение на несколько секунд туманило мысли и душу. Тогда умирающий несколько раз подавал мне руку, сжимал ее и говорил: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше — ну пойдем!» Опамятовавшись, сказал он мне: «Мне было пригрезилось, что я с тобой лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась». Немного погодя он опять, не раскрывая глаз, стал искать мою руку и, потянув ее, сказал: «Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе!»

Друзья и ближние, молча, сложив руки, окружили изголовье отходящего. Я, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше. Он вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: «Кончена жизнь». Я не дослышал и спросил тихо: «Что кончено?». «Жизнь кончена», — отвечал он внятно и положительно. «Тяжело дышать, давит», — были последние слова его. Всеобщее спокойствие разлилось по всему телу — руки остыли по самые плечи, пальцы на ногах, ступни, колена также; отрывистое, частое дыхание изменялось более и более на медленное, тихое, протяжное — еще один слабый, едва заметный вздох — и пропасть необъятная, неизмеримая разделяла уже живых от мертвого!

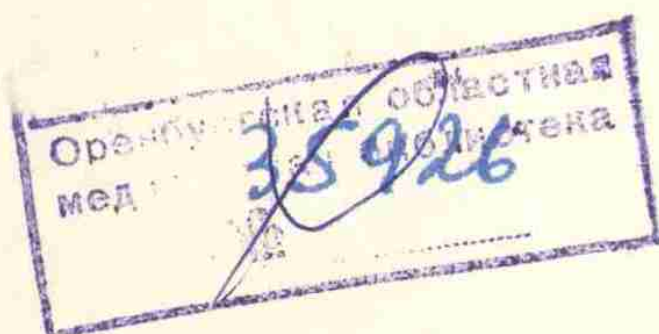
В. Даль

Подлинник занимает все четыре страницы обыкновенного печатного листа. Помарок почти нет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава первая. <i>Первая отечественная хирургическая школа Ивана Федоровича Буша</i>	7
Состояние хирургии в России и других европейских госу- дарствах в конце XVIII и начале XIX века	—
Ранение М. И. Кутузова и лечение его как иллюстрация к состоянию отечественной хирургии последней четверти XVIII века	9
Уровень хирургической науки к началу XIX века	28
Кровопускание — всеподавляющий метод лечения	30
Иван Федорович Буш (1771—1843)	34
Первая отечественная хирургическая клиника	35
Первый учебник хирургии на русском языке И. Ф. Буша	42
Глава вторая. <i>Илья Васильевич Буяльский (1789—1866)</i>	53
Глава третья. <i>Христиан Христианович Саломон (1796— 1851)</i>	81
Глава четвертая <i>Петербургское общество русских врачей и Ефим Иванович Андреевский</i>	115
Общество русских врачей в Петербурге	—
Ефим Иванович Андреевский (1789—1840)	122
Глава пятая. <i>Н. Ф. Арендт и Я. И. Говоров; их деятель- ность в Отечественную войну 1812—1815 гг.</i>	130
Николай Федорович Арендт (1786—1859)	—
Ранение и лечение П. И. Багратиона как отражение состоя- ния военной хирургии начала XIX века	151
Яков Иванович Говоров (1779—1828)	163
Глава шестая. <i>Иван Тимофеевич Спасский и Владимир Иванович Даль</i>	171
Иван Тимофеевич Спасский (1795—1859)	—
Владимир Иванович Даль (1801—1872)	186

Глава седьмая. Ранение и лечение А. С. Пушкина как иллюстрация к состоянию отечественной хирургии конца 30-х годов XIX века	197
Анамнез жизни А. С. Пушкина	199
Ранение А. С. Пушкина (механизм ранения или раневая баллистика)	204
Причины отсутствия помощи раненому Пушкину на месте дуэли	212
Определение пути и времени перевозки А. С. Пушкина с места ранения до квартиры на набережной р. Мойки, 12	216
Источники кровотечения	217
Течение послераневой болезни А. С. Пушкина	225
Диагноз	228
Лечение. Анализ ошибок, осложнений	229
Заключение	249
Приложение	250
Литература	263

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66

1 р. 67 к.

МЕДИЦИНА • 1970